

Сергей Юрьевич Преображенский

Россия, Российский университет дружбы народов, Москва

Системная лингвистика

Г. П. Мельникова: воспоминания о будущем?

Ключевые слова: лингвистическая системология, лингвистическая синергетика, аспектирующие концепции, методология лингвистики, Г. П. Мельников

Key words: linguistic systemology, linguistic synergetics, aspectizing concepts, methodology of linguistics, G. P. Melnikov

Abstract

The article discusses certain signs of the methodological crisis in linguistics such as multiplication of the number of aspectizing concepts and those concepts' claim to methodological leadership. The paper also contains a detailed survey of theoretical tenets of synergetics, which are compared with the foundations of G. P. Melnikov's systemic linguistics.

Ощущение методологического кризиса в языковедении, по-видимому, усиливается по мере того, как множатся частные, аспектирующие концепции, базирующиеся на конкретных методах. Само умножение частных концепций не может быть причиной кризиса научного сознания, поскольку свидетельствует лишь о том, что обнаруживаются новые свойства изучаемого объекта (языка), представляющиеся исследователям существенными и не нашедшими пока достойного отражения в актуальной эпистеме. Кризис порождается, вероятно, неоправданными претензиями этих аспектирующих концепций на универсализм, то есть на отправление методологической функции, а именно на:

[...] обоснование эффективности избранных методик, принципов, положенных в основу метода, а также формы представления концептуальных знаний и их интерпретации и оценки, сопоставления с иными теориями и концепциями [Мельников 2003: 45].

В связи с указанными претензиями на синтезирующий характер, которые в последние несколько десятилетий демонстрируют частные лингвистические

концепции, а также в связи с активным подключением постмодернистских принципов к традиционным лингвистическим методикам и методам, научная парадигма языкознания обретает все менее целостный вид, а дробность субметаязыков достигает такой степени, что надежды на упорядочение словаря науки становятся с каждым годом все слабее. Поставленный в ситуацию ложного выбора, исследователь нередко начинает обращаться к базовым положениям, которые легли в свое время в основу такой лингвистической теории, которую он сейчас склонен расценивать как синтезирующую. Один частный пример: польский исследователь М. Кужняк в статье с характерным названием *Физикализм в когнитивной семантике. Третий путь?* пишет: «fyzikalizm kognitywistyczny zapewne najbliższy będzie humboldtowskiej dualistycznej wizji języka, gdzie oba człony opozycji wewnątrz/na zewnątrz są traktowane oddzielnie» [Куźняк 2013: 87–88]. Характерна не отсылка к авторитету, а выбор авторитета и способ включения его концепции в когнитивную парадигму. Многие теоретические и методические новации ныне начинаются с возвращения к исходным методологическим точкам: с модернизации представлений или о языковом знаке, или о взаимодействии системы языка с факторами надсистемы, или о внутренних ресурсах изменения языковой системы и т. п. Именно разыскания авторов и адептов новых концепций (все тех же аспектирующих) в области высоких абстракций ярче всего свидетельствуют о наличии кризиса в языковедческих воззрениях. Среди подобного рода изысканий, как представляется, одним из заметных симптомов теоретического неблагополучия оказываются претензии на модернизацию представлений о системности языка, при том что положения так называемой «системной лингвистики» Г. П. Мельникова нельзя отнести к разряду освоенного научного наследия (о признанности этого наследия тем более говорить не приходится). Более всего теоретических деклараций в славянской лингвистике последнего двадцатилетия прозвучало из уст сторонников сближения с постмодернистской парадигмой. Поиск новых представлений о системности языка, как кажется, наиболее явно проявил себя именно в этой научной среде. Одним из претендентов на «гипертренд», начиная с 2000-х гг., оказалась синергетика – «новый концептуально-аналитический подход к миру» [Аванесова 1998: 135]. В часто цитируемой статье *Идиографизм* [Можейко 2001а: 304–312] четко указано на методологическую близость синергетики постулатам постмодернизма:

Пригожин [Илья Романович. – С. П.] точно так же, как и постмодернистские авторы, вводит понятие «события» для фиксации феномена, возникновение которого не подчинено универсальному закону, а потому обладает всей полнотой своеобразия и уникальным способом возникновения, – и в этом обнаруживает себя еще один аспект не только парадигмального, не только методологического, но и подчас и терминологического изоморфизма синергетической и постмодернистской парадигм [Можейко 2001а: 310].

Ср. также:

Хаос [...] в современной культуре понятие, связанное с оформлением в неклассической европейской культуре парадигмальной матрицы исследования нелинейных процессов. В сфере естествознания это проявляется в рамках синергетического подхода, основанного на идее креативной самодостаточности X[аоса], заключающейся в способности случайных флуктуаций на микроуровне порождать новые организационные порядки на уровне макроструктур (X[аос] как фактор самоструктурирования нелинейной среды: «порядок из X[аоса]», по определению И. Пригожина и И. Стенгерс [...]) [Можейко 2001б: 936].

Динамика вместо статики, предсказание вместо констатации – эти позиции методологически привлекательны для лингвистов, и значимость подобных тезисов возрастает по мере того, как окончательно устаревают и коснеют прежние аспектирующие концепции. В этих условиях типично обращение теоретиков, в силу внешних обстоятельств оказавшихся вне прямого научного наследования, к стороннему модному «гипертренду», позволяющему собственные подновления отдельного аспекта некоей теории представлять как эпистемическую революцию:

[Предлагаемая. – С. П.] научная концепция опирается на понятие синергетизма – взаимодействия разных аспектов [sic!] функциональной системы. Предлагаемая синергетическая модель знака и базирующаяся на ней синергетическая модель лингвистических парадигм учитывает все выделенные ранее аспекты знака, рассматривает их в концептуальном единстве [Киклевич 2014: 21].

Далее выясняется, что в модель знака вводится дополнительное требование – учет контекста функционирования, причем как именно этот контекст манифестирует себя в самом знаке, А. К. Киклевич не сообщает, однако затем практически подменяет последний понятием прагматики знака [Киклевич 2014: 21]. Далее автор говорит, что взаимодействие и характер взаимосвязи аспектов языкового знака подчинены принципу оптимизации его коммуникативных возможностей. Об оптимизации как важном показателе системности см. ниже у Г. П. Мельникова; между прочим, именно его семиотическая концепция дает повод утверждать, что не «все выделенные ранее аспекты знака» были учтены создателем «синергетической модели». Удивляет стремление сторонников синергетического переворота в языкознании революционно сменить теоретическую базу, сохраняя консервативно-эволюционное отношение к методам исследования объекта.

Н. Ф. Алефиренко в рамках так называемой «семиодинамики» говорит, в частности, о «нелинейности дискурса», но препарировав конкретный материал, апеллирует к вполне традиционным методам анализа контекстуальных значений или слегка модернизирует привычные модели и приходит к вполне ожидаемым в традиционной парадигме результатам, верификация которых сугубо конвенциональна. Помимо прочего, описываются контекстуальные

изменения в лексической семантике, предопределяемые фоносемантическим обликом лексемы [Алефиренко 2002]. Солидарный с автором указанной монографии рецензент подчеркивает, что главное допущение лингвистической версии синергетики состоит в том, что

[...] любое языковое речевое явление необходимо рассматривать только как отдельную процессуальную стадию его эволюции, при этом учитывается, что разнонаправленное развертывание процессов в разных областях эволюционирующей системы содержит информацию о прошлом и будущем развитии системы [Базылев 2005: 208].

Можно указать на полное соответствие этого тезиса положению системной типологии Г. П. Мельникова [см. напр., Рождественский 1969: 54]. Подобного же рода общие теоретические положения декларируются в рамках, так сказать, «украинской» синергетической школы (С. К. Гураль, Т. И. Домброван, В. В. Кизима, И. В. Малиновская, Г. Г. Москальчук, Л. С. Пихтовникова, Е. О. Селиванова, О. О. Семенец и др.):

Языковая система, рассматриваемая в ракурсе синергетической парадигмы, по праву квалифицируется как сложная, нелинейная, эволюционная, функционирующая на основе взаимодействия собственных подсистем и взаимной детерминированности других внешних систем среды (этноса, его культуры, сознания, социума), которая находится в состоянии большего или меньшего равновесия (является неустойчивой, нестабильной) и имеет регулярные механизмы для обеспечения динамики, самоорганизации и сохранения этой системы [Доброван 2012: 50].

В данном случае, в сравнении с приведенными ниже мельниковскими характеристиками системы, единственным режущим глаз пунктом окажется отдающий дань новому времени пассаж о «внешних системах среды», к которым причисляются «этнос, культура, сознание, социум» – собрание логически разнородных понятий, чьи референты в разной степени (иногда в очень малой) влияют на стабилизацию системы языка и формирование ее (системы) «внутренней детерминанты» (Г. П. Мельников). Эта школа именует себя также *тотальнологами* и оперирует с «континуальным смыслопорождением» (В. В. Малиновская). Необходимо отметить, что если иметь в виду, что смыслопорождение – процесс, то дискретным смыслопорождение становится лишь тогда, когда процесс прерывается. При этом собственно анализ материала демонстрирует, что тотальнологи прибегают к еще более традиционным, чем в случае выявления «поэтической энергии», методам. Среди менее тривиальных конкретных приложений синергетической модели выделяется квантитативный подход, популяризации которого много сил отдал Р. Г. Пиотровский:

Сущность этой новой парадигмы (назовем ее синергетической) состоит в поиске скрытых от прямого наблюдения механизмов самоорганизации и саморазвития

систем языка и речи. Этот поиск опирается на фундаментальное представление о языке как об открытой саморазвивающейся не узальной «мягкой» системе [...]

и далее:

Затухание или нарастание внешних воздействий не зависит от самой системы, но определяется эффективностью связи посторонних флуктуирующих областей с внешним миром. Поэтому предсказать судьбу системы, оказавшейся в критической точке X , невозможно [Пиотровский 2007: 5].

Это утверждение принципиально расходится с оптимистическим представлением о прогностических возможностях системной лингвистики Г. П. Мельникова, для которого именно тотальное рассмотрение и подсистемы, и надсистемы в терминах теории систем является гарантией обнаружения тех устойчивых воздействующих факторов (внешних и внутренних детерминант языка). Учет воздействия последних на собственно языковую систему обеспечивает точность прогноза.

В работе немецкого ученика Р. Г. Пиотровского поясняется:

Основой и предпосылкой для всего предлагаемого подхода является предположение, что человеческий язык (наряду с другими знаковыми системами) является саморегулирующейся системой. В результате становится возможным использовать в качестве основы для объяснения функциональный анализ, не подвергаясь при этом опасности принятия за основу телеологических или других псевдообъяснений [Келер 2007: 5].

Далее автор излагает положения, которые вполне сопоставимы с постулатами системной лингвистики Г. П. Мельникова, но заканчивает неожиданным заключением: коль скоро «язык в любой момент времени не находится в состоянии, которое по всем свойствам соответствует требуемому состоянию, постоянно находясь в движении», то «лингвистические данные поддаются описанию в основном только с помощью стохастических средств» [Келер 2007: 15]. Адептам синергетики представляется важным, что их методология дает возможность устроить процедуру выдвижения гипотезы относительно текущего состояния системы и ее управляющих параметров:

Синергетика оперирует следующими исходными понятиями:

– *развивающаяся система S* , которая может находиться в *состоянии устойчивости* или оказываться в *неустойчивом состоянии*, – *флуктуации*, т. е. внешние воздействия на систему,

– *управляющие параметры* системы, среди которых один (Q), или малая группа параметров (Q_1, Q_2, \dots, Q_k) может подчинять другие параметры q_i, q_j, q_k (эти последние именуются *параметрами порядка*) [Пиотровский 2007: 6].

При всей «трендовости» лингвистической синергетики сам факт ее возникновения и сохраняющийся к ней интерес при отсутствии видимых ярких

достижений объясняется не только конъюнктурными соображениями, но и тем фактом, что она обращает в очередной раз внимание:

- на взаимосвязь функциональных элементов языковой системы;
- на возможные взаимозависимости элементов разных иерархических уровней в пределах системных перестроек;
- на произвольность отношений между субстанцией (материей знака) и функцией (материей значения) языковой единицы;
- на динамическое взаимодействие синхронного и диахронного состояний и вытекающую из факта этого взаимодействия «историческую память» субстанции элемента о своих предыдущих позициях в системе;
- на допустимость построения гипотез о внутренних тенденциях языковой системы на основе некоторых разовых наблюдений;
- на необходимость суждений о причинности;
- на важность фиксации исследовательского внимания на нестабильных состояниях системы.

Единственно, относительно чего хотелось бы высказать сожаление: лингвистическое сообщество практически не отреагировало на то, что все подобного рода положения, отражающие настойчивые методологические устремления ряда лингвистов, пытался развивать со второй половины 1960-х гг., тем самым удовлетворяя запрос научной общественности, Г. П. Мельников, который, собственно, и был первым пропагандистом и разработчиком системного подхода в отечественном языковедении и на докторской защите которого Р. Г. Пиотровский отчетливо дал понять, что в 1989 г. всё сказанное Г. П. Мельниковым уже давно было принято к сведению. В редко цитируемой работе, которую вполне можно оценивать как этапную, Г. П. Мельников лапидарно сформулировал свои постулаты системности языка:

Язык относится к классу таких объектов, в которых системность, внутренняя организованность, взаимосогласованность всех статических и динамических характеристик представлена в своих *высших проявлениях* [Мельников 1978а: 33].

Ср. с его развернутым определением системы:

[...] наличие четко очерченной меры, наличие ярко проявляющихся качественных скачков в свойствах объекта присуще объекту тем в большей степени, чем более длительной и тонкой была его адаптация к определенному функциональному узлу в надобъекте при заданных условиях, определяющих, в частности, и границы устойчивого функционирования [...]. Именно такие объекты, объекты, имеющие ярко выраженную меру, оптимально адаптированные, совершенные, мы и будем называть *системами* [Мельников 1978б: 56].

В упомянутой выше статье дана также сжатая критика псевдосистемного анализа языка, весьма актуальная в свете синергетического бума вообще и соответствующих семиотических моделей в частности:

[...] окончательный выбор и закрепление [элемента в системе. – С. П.] осуществляется не по принципу экстремума, т. е. максимума или минимума в величине определенного фактора, а по принципу **оптимума** с учетом многих факторов, роль каждого из которых, допустимые и недопустимые доли которых, с учетом взаимодействий и взаимокompенсаций, «взвешиваются» по наилучшему результирующему эффекту – достижению эффективной коммуникации [Мельников 1978б: 42];

[...] оптимальное соотношение весов всех факторов, по которым определяется эффективность общения, специфично для каждого акта коммуникации [Мельников 1978б: 45];

[...] однако складываются общие тенденции (общий запрос, выражаемый во внешней детерминанте), когда все члены языкового коллектива достаточно долго в большинстве актов общения вынуждены исходить из общих для данного коллектива типовых условий оценки того, как увеличить вероятность удачного осуществления передачи мыслительного содержания [Мельников 1978б: 46].

Кстати, при мельниковской трактовке системности постановка вопроса о «судьбе системы в критической точке X» (ср. приведенную выше цитату из Р. Г. Пиотровского) лишена смысла ввиду отсутствия для эволюционирующей языковой системы критической точки – возможны лишь точки перехода к иной внутренней детерминанте («главные общие свойства» [Мельников 2003: 74]), когда изучаемый объект переходит, ввиду изменения «внешней детерминанты» из субстанционального состояния в субстратное, то есть становится «материалом, предрасположенным к новой перестройке» [Мельников 2003: 55].

Небольшая иллюстрация, демонстрирующая возможности системного подхода, связанная с якобы имеющейся в русском синтаксисе презентацией «взгляда на мир, как на совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению» [Вежицкая 1996: 56]. Так называемые «рефлексивные» конструкции (*О здешней жизни уже не пишется, я уже еду* (М. Цветаева) – пример А. Вежицкой) трактуются так: X хочет сделать Y (не потому, что X хочет, чтобы что-то случилось с чем-то другим)/ поэтому X делает что-то/X думает что-то вроде этого: я чувствую, что я не могу сделать это/я не мог бы сказать почему/не потому, что я не хочу этого.

В мельниковской модели русского синтаксиса выбор конструкции обосновывался бы следующим образом:

– Общий механизм русского синтаксиса построен так, что он описывает разветвленные динамические сюжеты нелинейного типа. Пара терминов «повод» и «сюжет» имеет нетрадиционное наполнение. Повод – «мыслительный материал», потенциально становящийся предметом коммуникации, но требующий организации, сюжет – некоторым образом упорядоченное, оформленное содержание – сюжет [см.: Мельников 2003: 96]. Номинативный смысл высказывания выступает как языковая форма, повод – как материал, а сюжет – как содержание. Технология построения высказываний в определенном языке

оптимизируется с учетом определенного коммуникативного ракурса, в русском языке типичные высказывания – предложения: X-овая X-а X-ует X-овенького X-ёнка [см.: Мельников 2003: 106]. В этом, как сказал бы Л. Теньер, сценарии ключевыми становятся роли, во-первых, активного инициатора действия, грамматически отмеченного именительным падежом, во-вторых – действия, грамматически выражаемого финитным глаголом, указывающим на первоисточник действия, в-третьих – иных соучастников (партиципантов) действия, играющих предписанные второстепенные роли, представляемых падежными формами, которые указывают на свернутое высказывание (перифрастическая теория падежа Г. П. Мельникова и А. Ф. Дрёмова [см.: Степанов 1989: 9], претерпевала при жизни Г. П. Мельникова различные модельные интерпретации, поэтому в данном случае предельно схематизируется). Такая модель под действием внутренней детерминанты русского языка («динамической событийной») превращается в базовую:

[...] номинативный смысл типового высказывания изображает развивающееся событие как следствие активного действия определенного инициатора [...] в языке формируются морфемы с вещественным значением для непосредственного намека на действие через подчеркивание в нем компонентов активной залоговой семантики [Мельников 2003: 106].

Для означенной базовой модели представление ряда поводов в сюжете и последующее преобразование в оязыковленное высказывание – предложение оказывается затруднительным, возникает целая группа несобытийных поводов, плохо поддающихся названной процедуре. Среди них ситуации, которые трудно помыслить как фактическое динамическое событие (отношения посессивности: *У меня нет денег*; результирующая признаковость, а не собственно действие: *Голова кружится*). Среди прочего для выражения нетипичных в свете строя языка содержаний используется «средства противопоставления глаголов-сказуемых по залогу» [Мельников 2003: 106].

Если ситуации, мыслимые в рамках базовой схемы как аномальные, окажутся частотными, то для их оязыковления будут созданы устойчивые (в известном смысле идиоматичные) русские синтаксические модели. К наиболее очевидным случаям относятся характерные для индоевропейских языков номинативного типа модели «есть/имею», которые в русской синтаксической модели (предельно динамичной) превращаются в единственную (и безглагольную!) модель «есть»: *У меня есть жена*; *У меня нет денег*. Оформление «рефлексивных» конструкций относится к одному из тех самых случаев, которые требуют компенсаторных технических средств языка при отсутствии удобных базовых: *Мне пишется*: *Оно (пишет себя) мне = а) тот, кто пишет, отсутствует как активный выраженный инициатор действия + б) действие не является активным, а является замкнутым на себя, но постоянным состоянием – *пишется* (особая грамматическая значимость всех форм с «постфиксом»).

Следовательно, на уровне языкового сознания «смысл» данной модели, резон для ее выбора выглядят так: статическое состояние симулятивного источника действия и выдвижение на место инициатора, источника активного деяния квазидейателя в роли вторичного, подхватывающего действие. Ср. с семантической интерпретацией датива по Г. П. Мельникову: *если Иван бросает мяч Петру, то Петр мяч ловит*, ср. *Иван бросает мяч в Петра*. Частый выбор в пользу «рефлексивных» конструкций, описанных А. Вежицкой, указывает на коммуникативный приоритет, использующего их коммуниканта, ср. *Уже не пишу о здешней жизни* и *О здешней жизни уже не пишется*. Фактически речь идет именно о выборе в пользу результативно-признаковой детерминанты: «сведения не столько о конкретных событиях, сколько об интегрированном результирующем состоянии общеизвестных людей, вещей, мест и т. п.». Сами по себе такие конструкции ни в коей мере не являются типичными для русского языкового сознания, но, скорее, указывают на точку неустойчивости в системе современного русского языка.

Литература

- Аванесова Г. А., 1998, Пригожин Илья Романович [в:] С. Я. Левит (ред.), *Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах*, т. 2, Санкт-Петербург: Университетская книга, с. 133–136.
- Алефиренко Н. Ф., 2002, *Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры*, Москва: Academia.
- Базылев В. Н., 2005, [рецензия] Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. Москва 2002, *Вестник РУДН*, серия: *Лингвистика*, № 7, с. 208–211.
- Вежицкая А., 1996, *Русский язык* [в:] А. Вежицкая, *Язык. Культура. Познание*, Москва: Русские словари.
- Доброван Т. И., 2012, Изучение истории языка с позиций постнеклассической научной парадигмы [в:] *Perspektywy rozwoju nauki. Zbiór raportów naukowych (28.11.2012–30.11.2012)*, cz. 2, Gdańsk: Diamond trading tour, с. 48–52.
- Келер Р., 2007, *Синергетическая лингвистика: структура и динамика лексики*, <http://ubt.opus.hbz-nrw.de/volltexte/2007/413/pdf/synling.pdf> (дата обращения: 8.10.2014).
- Киклевич А. К., 2014, *Динамическая лингвистика. Между кодом и дискурсом*, Харьков: Гуманитарный центр.
- Мельников Г. П., 1978а, Бодуэновское понимание системности языка [в:] Ю. В. Рождественский (ред.), *Языковая практика и теория языка*, вып. 2, Москва: Издательство Московского университета, с. 32–51.
- Мельников Г. П., 1978б, *Системология и языковые аспекты кибернетики*, Москва: Советское радио.
- Мельников Г. П., 2003, *Системная типология языков*, Москва: Наука.
- Можейко М. А., 2001а, Идиографизм [в:] А. А. Грицанов, М. А. Можейко (ред.), *Постмодернизм. Энциклопедия*, Минск: Книжный дом Интерпресссервис 2001, с. 304–312.

- Можейко М. А., 2016, Хаос [в:] А. А. Грицанов, М. А. Можейко (ред.), *Постмодернизм. Энциклопедия*, Минск: Книжный дом Интерпрессервис, с. 936.
- Пиотровский Р. Г., 2007, Доказательно-экспериментальная парадигма современного языкознания [в:] *Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков*, Тольятти: Издательство Тольяттинского государственного университета, с. 5–12.
- Рождественский Ю. В., 1969, *Типология слова*, Москва: Высшая школа.
- Степанов Ю. С., 1989, *Индоевропейское предложение*, Москва: Наука.
- Dobaczewski A., 2013, O współczesnej semantyce w ujęciu strukturalnym [в:] P. Stalmaszczyk (red.), *Metodologie językoznawstwa. Ewolucja języka, ewolucja teorii językoznawczych*, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, с. 71–82.